

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0+821

ББК 83.3(2Рос=Рус)+83.3(4)

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-2-157-192>

<https://elibrary.ru/HFPABP>

© 2025. Николай Подосокорский

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Мечта о сражении при Березине в романе Ф.М. Достоевского «Белые ночи»

© 2025. Nikolay N. Podosokorsky

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

The Dream about the Battle of Berezina in Dostoevsky's Novel *White Nights*

Информация об авторе: Николай Николаевич Подосокорский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1 121069 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-6310-1579>

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается сражение при Березине Отечественной войны 1812 года как одна из значимых историко-литературных грез истории Мечтателя в раннем сентиментальном романе Ф.М. Достоевского «Белые ночи». Перечень мечтаний героя «Белых ночей», включающий, помимо сражения при Березине, Варфоломеевскую ночь, геройскую роль при взятии Казани царем Иваном IV Васильевичем, сожжение Яна Гуса в Констанце, Дантона, Клеопатру и ее любовников, домик в Коломне и проч., был добавлен Достоевским в текст романа лишь при его переработке в 1860 году. Обосновывается, что этот перечень нельзя полностью сводить к автобиографии писателя и отождествлять с похожим списком из фельетона «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (1861), как и неверно его строго разделять на чисто литературные и исторические элементы. Доказывается, что на всемирную историю ге-

рой Достоевского смотрит как художник и поэт, преимущественно через призму искусства, а его интерес к трагическим и кровопролитным событиям, казням и убийствам обусловлен не патологической жестокостью, но стремлением трансформировать эти извращения человеческого духа в рассказы о человеческом сострадании и дружеском участии. Особенное внимание уделено возможным источникам грезы героя о сражении при Березине: рассказу Оноре де Бальзака «Прощай!» (1830), историческому роману Р.М. Зотова «Бородинское ядро и Березинская переправа» (1844) и др. Кроме того, предпринята попытка описать скрытый наполеонизм Мечтателя, родившегося, как и Достоевский, в год смерти Наполеона.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Белые ночи», сражение при Березине, Наполеон, «ночная» литература, романтизм, Р.М. Зотов, О. де Бальзак, Отечественная война 1812 года.

Для цитирования: Подосокорский Н.Н. Мечта о сражении при Березине в романе Ф.М. Достоевского «Белые ночи» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 2 (30). С. 157–192. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-2-157-192>

Information about the author: Nikolay N. Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, Research Centre “Dostoevsky and World Culture,” A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-6310-1579>

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Abstract: The article examines the Battle of Berezina in the Patriotic War of 1812 as one of the significant historical and literary dreams of the Dreamer’s story in Dostoevsky’s early sentimental novel *White Nights*. The list of dreams of the hero of *White Nights* – which includes, in addition to the Battle of Berezina, St. Bartholomew’s Night, a heroic role in the capture of Kazan by Tsar Ivan IV Vasilyevich, the burning of Jan Hus in Constance, Danton, Cleopatra and her lovers, a house in Kolomna, etc. – was added by Dostoevsky to the text of the novel during its revision in 1860. It is argued that this list cannot be reduced to the writer’s autobiography and identified with the similar list from the feuilleton *Petersburg Dreams in Verse and Prose* (1861), nor it is correct to strictly divide it into purely literary and historical elements. It is proved that Dostoevsky’s hero looks at world history as an artist and poet, mainly through the prism of art, and his interest in tragic and bloody events, executions and murders, is due not to pathological cruelty, but to the desire to transform these perversions of the human spirit into stories of human compassion and empathetic participation. Special attention is paid to possible sources of the hero’s dreams about the Battle of Berezina: Honoré de Balzac’s short story *Farewell!* (1830), the historical novel by R.M. Zotov *Borodino core and Berezinskaya ferry* (1844), etc. In addition, an attempt is made to describe the hidden Napoleonism of the Dreamer, who, like Dostoevsky, was born in the year of Napoleon’s death.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, *White Nights*, the Battle of Berezina, Napoleon, “night” literature, romanticism, R.M. Zotov, Honoré de Balzac, the Patriotic War of 1812.

For citation: Podosokorsky, N.N. “The Dream about the Battle of Berezina in Dostoevsky’s Novel *White Nights*.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 2 (30), 2025, pp. 157–192. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-2-157-192>

Во вторую ночь сентиментального романа Ф.М. Достоевского «Белые ночи», которая заметно превосходит по объему другие ночи (главы) произведения и вообще является центральной для всего текста в целом, Мечтатель и Настенька последовательно рассказывают друг другу истории своей жизни. Одним из самых загадочных и непонятных эпизодов истории Мечтателя для нас является ряд перечисленных им образов и фантазий из мировой истории и искусства, который он приводит в пояснение того, о чем на самом деле мечтает:

Посмотрите на эти волшебные призраки, которые так очаровательно, так прихотливо, так безбрежно и широко слагаются перед ним в такой волшебной, одушевленной картине, **где на первом плане, первым лицом, уж конечно, он сам, наш мечтатель, своею дорогою особою**¹. Посмотрите, какие разнообразные приключения, какой бесконечный рой восторженных грез. Вы спросите, может быть, о чем он мечтает? К чему это спрашивать! да обо всем... об роли поэта, сначала не признанного, а потом увенчанного; о дружбе с Гофманом; Варфоломеевская ночь, Диана Вернон, геройская роль при взятии Казани Иваном Васильевичем, Клара Мовбрай, Евфия Денс, собор прелатов и Гус перед ними, восстание мертвецов в Роберте (помните музыку? кладбищем пахнет!), Минна и Бренда, сражение при Березине, чтение поэмы у графини В—й—Д—й, Дантон, Клеопатра *ei suoi amanti*², домик в Коломне, свой уголок, а подле милое создание, которое слушает вас в зимний вечер, раскрыв ротик и глазки, как слушаете вы теперь меня, мой маленький ангельчик... [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 115–116.]

В первоначальном варианте «Белых ночей», опубликованном в № 12 журнала А.А. Краевского «Отечественные записки» в 1848 году, этот фрагмент отсутствует, и появляется он лишь при переделке

¹ В приводимых цитатах выделение обычным курсивом принадлежит автору цитаты, выделение полужирным — автору настоящей статьи.

² Как отмечают комментаторы Полного собрания сочинений Достоевского в 35 т., во всех прижизненных публикациях текста «Белых ночей» в словосочетании «Клеопатра *ei suoi amanti*» ошибочно напечатаны слитно союз *e* и артикль мн. ч. *i* [Достоевский, 2013–, т. 2, с. 669].

писателем своего старого романа, в новой редакции 1860 года. Однако в журнальной версии истории Мечтателя изначально были другие слова героя, также несколько проясняющие источник его творческой фантазии, от которых впоследствии писатель, наоборот, отказался: «Он захочет — и века, по одному мановению фантазии, исчезают перед ним и предстает ему давно прошедшее. Древность угрюмая разоблачается от своего тумана. Всё, что манит и волнует наш дух, всё, что еще с детства влечет нас к себе неотразимым призывом и соблазнительно манит нас в жизнь, всё перед ним воплощается в такую роскошную, такую сладостную форму!» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 429].

По сути в обоих фрагментах Мечтатель рассказывает о том, как его фантазия питается и обретает форму через обращение к истории и поэтическую трансформацию картин прошлого, знакомых с детства (о роли истории в творчестве Достоевского см.: [Подосокорский, 2024a]). Однако, если в редакции 1848 года герой говорит об истории, как о предмете и источнике своего воображения, довольно общо, то в редакции 1860 года он приводит уже длинный список вполне конкретных образов, событий, имен, многие из которых связаны с трагическими смертями³ и массовыми убийствами. Исследователи давно указали на автобиографический характер «Белых ночей» в целом (Достоевскому на момент написания романа, как и Мечтателю, было 26 лет) и эпизода с перечислением Мечтателем странного набора грез, будоражащих его фантазию, в частности [Кирпотин, 1978, т. 2, с. 92]. К.В. Мочульский даже утверждает, что «Достоевский под видом мечтательства описывает свои *творческие медитации* над литературой и историей. Поэтому нравственная оценка этого состояния у него двойится» [Мочульский, 1980, с. 79]. Отчасти он прав, ибо в фельетоне «Петербургские сновидения в стихах и прозе», написанном писателем в том же 1860 году, когда он произвел и вторую редакцию «Белых ночей», говорится следующее:

Прежде в юношеской фантазии моей я любил воображать себя иногда то Периклом, то Марием, то христианином из времен Нерона, то рыцарем на турнире, то Эдуардом Глянденингом из романа «Мо-

³ О проблеме смерти и посмертия в этом романе см. также: [Подосокорский, 2019].

настырь» Вальтер Скотта, и проч., и проч. И чего я не перемечтал в моем юношестве, чего не пережил всем сердцем, всей душою моею в золотых и воспаленных грезах, точно от опиума. Не было минут в моей жизни полнее, святее и чище. Я до того замечтался, что проглядел всю мою молодость <...> [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 70].

Иными словами, Мечтатель «Белых ночей», а вслед за ним и Настенька (по ее воспоминаниям, жилец давал ей читать книги Вальтера Скотта и Пушкина, которые ей «больше всех понравились» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 122]), и в самом деле рассказывают не только о себе, но и о главнейших впечатлениях от чтения в детском возрасте самого Достоевского, который, по свидетельству его младшего брата Андрея, будучи ребенком, «более читал сочинения исторические, серьезные, а также и попадавшиеся романы» [Достоевский, 1992, с. 71]. Мы знаем, что чтение Вальтера Скотта, Гофмана и Пушкина оказало колоссальное влияние на становление Достоевского как писателя (об этом см.: [Михалева, 2006], [Дрыжакова, 2010], [Жилякова, 2023], [Бессонова, 2025] и др), причем все трое писателей указывали на исключительную важность истории для подлинного вдохновения художника. Вальтер Скотт по праву считается основоположником жанра исторического романа Нового времени, и, по меткому замечанию М.Г. Альтшуллера, история в его произведениях «наполняется <...> живой жизнью» [Альтшуллер, 1996, с. 15]. В одном из «Ночных этюдов» Э.Т.А. Гофмана (новелле «Пустой дом») Лелио отмечает, что в самой истории можно найти немало подтверждений могущества и ясновидения человеческого духа, поэтому те исторические романы, в которых «сочинитель усиливается согласить действия ребяческих вымыслов своего холодного воображения с действиями вечной силы, управляющей природою, кажутся нам столь ничтожными и нелепыми» [Гофман, 1830, с. 245]. А.С. Пушкин и вовсе полагает, что «история народа принадлежит Поэту» [Пушкин, 1977–1979, т. 10, с. 100] (о взгляде Пушкина на историю см.: [Черепнин, 1968, с. 12–56], [Киреева, 2004]).

Вместе с тем, очевидно, что невозможно полностью подменять анализ художественного произведения отсылками к биографии автора, поскольку Достоевский, как и любой другой великий писатель, не воспроизводит в романах свою жизнь в точности, но преобразует разные ее события и впечатления для создания абсолютно нового художественного мира. Нельзя не отметить и даже чисто формаль-

ную разницу между двумя рядами историко-литературных образов и сцен, которые приводят автор фельетона «Петербургские сновидения в стихах и прозе» и герой «Белых ночей» — имена реальных и вымышленных героев в них не совпадают полностью, и даже персонажей Вальтера Скотта они упоминают различных. В этом смысле никак невозможно согласиться с М.С. Гусом, настаивающим на «почти буквальном» совпадении перечней грез в романе и фельетоне [Гус, 1971, с. 119]. И потому процитированное в самом начале статьи признание Мечтателя сохраняет свою загадочность. До сих пор, насколько нам известно, не предпринималось специальных попыток рассмотреть перечень историко-литературных фантазий героя «Белых ночей» как единое целое. И хотя, как мы знаем из воспоминаний Мечтателя, они с Настенькой порой говорили друг другу «тысячи слов без связи и мысли» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 137], попробуем все же отыскать какие-то связь и мысль в перечне грез литературного персонажа, потому что именно этот ряд может содержать в себе и разгадку его имени-функции.

Правильное истолкование этого ряда с отсылками к Яну Гусу, Дантону, сражению при Березине, Клеопатре и ее любовникам и проч. совершенно невозможно вне понимания всей мультижанровой истории Мечтателя, имеющей крайне запутанную структуру, которая усложняется и меняет свой вид с каждым новым уточнением и замечанием рассказчика. История Мечтателя строится по особым законам романтизма, предполагающим большую подвижность и изменчивость реальности, существующей как будто на границе разных антагонистических миров: жизни и смерти, сна и яви, действительного и призрачного, сказочного и обыденного, материального и духовного, письменного (книжного) и устного, вымышленного (литературного) и непридуманного (исторического). Герой «Белых ночей» подобен ночному сторожу «Ночных бдений» (1805) Бонавентуры, мистические похождения которого разворачиваются одновременно и *на самом деле*, и в его воображении, и в некоей метафизической книге, которую он сам же читает и творит. Т.А. Касаткина недавно⁴ напомнила, что и весь роман «Белые ночи», имеющий

⁴ Аудиозапись доклада Т.А. Касаткиной «“Другая любовь” “Белых ночей”», сделанного 8 апреля 2025 года на XXVII Международных чтениях «Произведения Ф.М. Достоевского в восприятии читателей XXI века» в Музее романа «Братья Карамазовы» в Старой Руссе, доступна по ссылке: https://vkvideo.ru/video-18077050_456240666 (дата обращения: 01.05.2025).

подзаголовок «Из воспоминаний мечтателя», является реальным произведением героя, который таким образом перешел от мечты к делу и создал выдающееся сочинение.

Итак, в самом начале истории Мечтателя речь идет об истории его жизни, которую его просит рассказать ради их лучшего знакомства друг с другом Настенька. Затем она же замечает, что, рассказывая свою историю, Мечтатель «точно книгу читает» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 113]. После этого рассказчик уподобляет себя духу царя Соломона, «который был тысячу лет в кубышке, под семью печатями, и с которого наконец сняли все эти семь печатей», а потому он «должен пролиться рекою слов», не то задохнется [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 114]. На этом уровне его рассказ обретает форму своего рода исповеди исстрадавшегося демона, вынужденный характер которой известен из сказок «Книги тысячи и одной ночи»⁵. На следующем витке рассказа Мечтатель признается, что его история сочиняется в реальном времени под воздействием «прощального луча потухающего солнца» и богини Фантазии, воспетой В.А. Жуковским как подлинная Хозяйка и Владычица всех поэтов. Далее герой сравнивает царство своих мечтаний с сновидением, которое проносится через его душу так, что «он и сам не помнит, что ему грезилось», и упоминает целый рой призраков, который незаметно сзывает какое-то его «темное ощущение» (желание), от которого слегка ноет и волнуется его грудь. После этого герой вновь упоминает о книге, выпадающей из его рук, затем о «новом сне» и т.д. [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 115]. И только вслед за всем этим в истории Мечтателя возникает перечисление конкретных историко-литературных грез (их же он сравнивает с призраками, которые должны сложиться в некую волшебную, одушевленную картину, в которой первым лицом будет выведен сам мечтатель), за многими из которых стоит целый сонм произведений мировой культуры и искусства. Частично возможный историко-литературный контекст элементов из перечня Мечтателя указан в комментарии к Полному

⁵ Кэрл Аполлонно раскрывает эту его ипостась таким образом: «Джинн Достоевского — двусмысленный персонаж, способный и исполнять желания и мстить. Мечтатель способен исполнить желания Настеньки, но он также представляет собой и опасность. Учитывая неустойчивое эмоциональное состояние, в котором она находится, ее легко может соблазнить уход в его мир фантазий и свободы от обязательств, где само желание будет доставлять ей больше наслаждения, чем его исполнение» [Аполлонно, 2020, с. 65–66].

собранию сочинений Достоевского в 35 т. [Достоевский, 2013–, т. 2, с. 680–682], но относительно сражения при Березине он очень скуден, и в этой статье мы попробуем его реконструировать, указав на возможные литературные источники соответствующей грезы героя.

Ранее исследователи пытались разделить (типизировать) элементы перечня Мечтателя на чисто *литературные* и *исторические* [Бессонова, 2025, с. 101] или по их отсылкам к собственно *романам* и к *историческим романам*. Последней точки зрения придерживается Малкольм В. Джоунс, который пишет:

Герой «Белых ночей» (1848) пространно рассказывает своей подруге о том, как он живет в мире грез, которые основываются на приключениях персонажей из Вальтера Скотта (Клара Мовбрай, Диана Вернон, Евфия Денс) и исторических романов (Ян Гус перед собором прелатов, восстание мертвецов в «Роберте-Дьяволе», Варфоломеевская ночь, сражение при Березине, Клеопатра и ее любовники и так далее): фактически, он сам иногда почти верит в то, что эта жизнь в мечтах — не плод его воображения, не мираж, не возбуждение чувства, а что-то и впрямь действительное, настоящее, сущее [Джоунс Малкольм, 1998, с. 90].

Нам же представляется, что такое строгое разделение в рамках перечня провести едва ли возможно, да и ненужно, ибо некоторые из подразумеваемых Мечтателем романов Вальтера Скотта сами по себе являются *историческими* (например, «Роб Рой», 1817; «Эдинбургская темница», 1818), а, говоря о «восстании мертвецов в Роберте», герой имеет в виду не роман, а оперу Джакомо Мейербера «Роберт-дьявол». К тому же на исторические события и лица герой Достоевского смотрит преимущественно через призму искусства, они важны для Мечтателя именно как темы для его самобытного творчества, дающие импульсы его фантазии, и в этом он схож с импровизатором «Египетских ночей» Пушкина, который берется за некий образ и связанную с ним историческую подробность, успевшую задолго до него вдохновить многих поэтов и писателей, и создает, отталкиваясь от нее и почти на глазах у публики, свое оригинальное произведение. Недаром начинается этот ряд с упоминания «роли поэта, сначала не признанного, а потом увенчанного», а заканчивается мечтой о рассказывании подобных историй некоему вовлеченному слушателю (или, вернее, слушательнице?). Несомненно и то, что

беспредельная фантазия Мечтателя не способна творить без одно-временной опоры на историю и литературу (которая, как в случае с некоторыми упомянутыми им романами Вальтера Скотта, сама во многом основана на истории!), и здесь герой вполне следует заветам князя В.Ф. Одоевского, утверждавшего, что «в наше время поэзия будет мертва без помощи истории, как физика без математики» [Одоевский, 1982, с. 30].

В рассматриваемом нами перечне грез обращают на себя внимание, как минимум, два момента. Во-первых, это преимущественно ночной характер упоминаемых явлений. Как отмечает Э.М. Жилякова, в эстетике романтизма образ «ночи» имеет «глубокое философское содержание как изображение стихии откровения, всеобщей слитности бытия и духа: именно ночью открываются тайны мира, снимаются все преграды» [Жилякова, 1989, с. 202]. Во-вторых, налицо гипертрофированное влечение Мечтателя не просто к теме смерти, но к смерти массовой, мучительной, насильственной, имеющей историко-символическое измерение. Так, по оценкам историков, которых мог читать Достоевский ко времени переработки им «Белых ночей», в результате событий т.н. Варфоломеевской ночи и сопутствующей ей резни гугенотов во французских провинциях в 1572 году погибло от 60 тысяч до 100 тысяч человек [Милло, 1820, т. 7, с. 402]⁶. С.Н. Смарагдов, к историческим трудам которого Достоевский не раз обращался, живописует это преступление в таких подробностях:

Главную жертвою был адмирал великий Колиньи. *Генрих Гиз*, сын Франца Гиза, с толпою злодеев ворвался именем короля в дом Колиньи и зарезал молящегося старца. Труп его, выброшенный из окна, упал к ногам незаконнорожденного брата короля, графа Ангулемского, который отер окровавленное лицо убитого, чтобы убедиться действительно ли пред ним тот, смерти которого жаждала душа его. Чернь не отстала от знати и совершила над бесчувственным трупом все возможные неистовства. В то же время происходила

⁶ Здесь и далее мы ориентируемся главным образом на подсчеты доступных Достоевскому того времени (по 1860 год включительно) историков, а не на современные исследования, так как для нас в данном случае важно не то, что считается в наше время консенсусным историческим знанием, а то, что могло стимулировать фантазию героя романа «Белые ночи» в качестве признаваемых в его время исторических фактов.

резни в домах других гугенотов, на улицах, в Лувре, где несчастные думали найти спасение, повсюду и везде; весь Париж превратился в вертеп разбойников. Сам король, как уверяют, стрелял из дворцового окна в своих бегущих подданных; сам приставил оружие к груди короля Наваррского и принца Конде и заставил их отречься от своей веры; сам король на другой день с толпой царедворцев осматривал окровавленные улицы Парижа и при виде обезображенных останков Колиньи сказал словами Вителлия: *мертвый враг пахнет всегда приятно*. Три дня продолжались убийства в Париже. То же происходило и в других местах Франции: в Орлеане, Мо, Анжере, Труа, Руане, Бордо, Тулузе, Лионе и пр. Редкий наместник отказался от исполнения повелений короля к истреблению своих гугенотских сограждан. Число погибших по исчислению Сюлли простиралось до 70 000, а по уверению других до 100 000» [Смарагдов, 1844, с. 93–94].

В историческом романе Проспера Мериме «Хроника царствования Карла IX» (*Chronique du règne de Charles IX*, 1829) процесс резни парижских протестантов описан предельно экспрессивно глазами капитана Жоржа де Мержи:

Но избиение уже началось. Давка, толпы убийц, цепи, протянутые через улицы, — все это на каждом шагу преграждало ему путь. Жоржу пришлось идти мимо Лувра — здесь особенно свирепствовал фанатизм. В этом квартале жило много протестантов, вот почему он был наводнен католиками и гвардейцами, и они истребляли протестантов огнем и мечом. По энергическому выражению одного из тогдашних писателей, «кровь со всех сторон стекалась к реке». Нельзя было перейти улицу без риска, что на вас в любую минуту не свалится труп, выброшенный из окна. Дьявольская дальновидность убийц сказалась в том, что они почти все лодки, которых всегда здесь было много, переправили на тот берег; таким образом, многим из тех, что метались по набережной Сены в надежде сесть в лодку и спастись от врагов, оставалось либо утопиться, либо подставить головы под алебарды гонявшихся за ними солдат. Рассказывают, что в одном из дворцовых окон был виден Карл IX: вооруженный длинной аркебузой, он «стрелял по дичи», то есть по несчастным беглецам. Капитан, забрызганный кровью, переступая через трупы, на каждом

шагу рискуя тем, что кто-нибудь из душегубов по ошибке прикончит и его, шел дальше [Мериме, 1963, т. 1, с. 305–306]⁷.

Героическое взятие Казани войском русского царя Ивана IV Васильевича в 1552 году, вдохновившее М.М. Хераскова на создание бессмертной «Россиады» (1771–1779), также сопровождалось умерщвлением многих тысяч неприятелей. В.Н. Татищев в «Истории Российской с самых древнейших времен» отмечает: «<...> а побитых во граде толико множество лежаша, яко по всему граду не бе где ступати не на мертвых <...>» [Татищев, 1768–1848, кн. 5, с. 368]. Князь М.М. Щербатов в «Истории Российской от древнейших времен» (1770–1791) поэтически называет побоище защитников Казани переселением их в «вечную ночь»:

Однако продолжающаяся сеча во граде и вне ежечасно множество татар в вечную ночь преселяла, и убийство сие тем паче умножено было, что царь *Иоанн Васильевич* послал к воинам своим повеление, чтобы никого из возмужавших татар в плен не брать, а токмо пленить жен и детей. Кровавые реки по стогнам и по улицам и по рвам града протекали, тела мертвые повсюду во граде и вне града лежали кучами, так что, как уверяют летописатели наши, не было места, где бы возможно было ступить во граде, где бы не было трупов татарских [Щербатов, 1770–1791, т. 5, ч. 1, с. 415].

⁷ «Mais déjà le massacre avait commencé; le tumulte, la presse des assassins, et les chaînes tendues au milieu des rues l'arrêtaient à chaque pas. Il fut forcé de passer auprès du Louvre, et c'était là que le fanatisme déployait toutes ses fureurs. Un grand nombre de protestants habitaient ce quartier, envahi en ce moment par les bourgeois catholiques et les soldats des gardes, le fer et la flamme à la main. Là, pour me servir de l'expression énergique d'un écrivain contemporain, *le sang courait de tous côtés cherchant la rivière*, et l'on ne pouvait traverser les rues sans courir le risque d'être écrasé à tout moment par les cadavres que l'on précipitait des fenêtres. Par une prévoyance infernale, la plupart des bateaux qui d'ordinaire étaient amarrés le long du Louvre avaient été conduits sur l'autre rive; de sorte que beaucoup de fugitifs qui couraient au bord de la Seine, espérant s'y embarquer et se dérober aux coups de leurs ennemis, se trouvaient n'avoir à choisir qu'entre les flots ou les hallebardes des soldats qui les poursuivaient. Cependant, à l'une des fenêtres de son palais, on voyait, dit-on, Charles IX armé d'une longue arquebuse, qui giboyait aux pauvres passants. Le capitaine, enjambant des corps morts, et s'éclaboussant avec du sang, poursuivait son chemin, exposé à chaque pas à tomber victime de la méprise d'un massacreur» [Mérimee, 1842, p. 206–207].

Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» также указывает на огромное множество убитых, хотя и не приводит конкретных цифр: «Город был взят и пылал в разных местах; сеча престала, но кровь лилася: раздраженные воины резали всех, кого находили в мечетях, в домах, в ямах; брали в плен жен и детей или чиновников. Двор Царский, улицы, стены, глубокие рвы были завалены мертвыми; от крепости до Казанки, далее на лугах и в лесу еще лежали тела и носились по реке» [Карамзин, 1842–1843, кн. 2, т. 8, стб. 112].

Своего рода апофеозом смертоубийства было и сражение при Березине в ноябре 1812 года, после которого Великая армия Наполеона практически прекратила свое существование, лишившись нескольких десятков тысяч человек, не успевших перебраться на другой берег⁸. Вот как об этом событии пишет Н.А. Полевой⁹ в «Истории Наполеона» (1844–1848): «Тогда явилось зрелище, каких немного видала природа: люди, лошади, обозы горели на мосту, падали в воду, тонули, гибли между льдинами, покрывавшими реку; некоторые кидались вплавь, но редкие достигали противоположного берега. Пронзительные, страшные крики наполняли воздух... река запрудилась трупами» [Полевой, 1844–1848, т. 5, с. 95]. Не менее впечатляюще эта сцена представлена в «Описании Отечественной войны в 1812 году» (1839) А.И. Михайловского-Данилевского:

⁸ Д.П. Бутурлин в «Истории нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году» пишет, что армия Наполеона потеряла при переправе через Березину 12 тысяч убитых и 18 тысяч пленных [Бутурлин, 1837–1838, ч. 2, с. 264]. Вальтер Скотт в «Жизни Наполеона Бонапарте, императора французов» отмечает, что, «по русским донесениям, число неприятельских тел, собранных и сожженных, когда оттепель позволила, превышало 36 000 человек, найденных в Березине» [Скотт, 1831–1832, с. 115]. М.И. Богданович в «Истории Отечественной войны 1812 года» называет еще большие цифры потерь наполеоновской армии (имеются в виду убитые, плененные и выбывшие из строя): не менее 20–25 тысяч бывших под ружьем, а всего (вместе с отсталыми и безоружными) — 45–50 тысяч человек [Богданович, 1859–1860, т. 3, с. 285].

⁹ Завершающие четвертый и пятый тома «Истории Наполеона» были изданы в 1848 году уже после смерти Н.А. Полевого (1796–1846). В «Объяснительном примечании» к четвертому тому сообщается, что эти два тома были дописаны по просьбе издателей его братом К.А. Полевым (1801–1867) на основе рукописей, отобранных материалов и составленного общего плана сочинения, оставшихся после покойного [Полевой, 1844–1848, т. 4, с. II]. В том же LXII томе «Отечественных записок» (1848, №№ 11–12), в котором впервые вышел роман «Белые ночи», была опубликована и рецензия на 3–5 тома «Истории Наполеона» Полевого.

Стало светать. Генерал, имевший поручение истребить мосты, медлил исполнением до последней возможности, желая дать своим соратникам время перебраться. Было дорого каждое мгновение, но промедление не могло продолжаться более часа. В половине 9-го показалась на возвышенности у Студянки страшная гроза французов — донские пики, и мгновенно дано повеление зажечь мосты, ночью покрытые удобозагорающимися веществами. Люди, лошади, обозы опустили в воду. Многие из оставшихся на уцелевшей части мостов покусились переходить по льдинам, спершимся около козел, но были сжаты, затерты льдом, унесены рекою, тщетно боролись с ее течением и вопили о помощи: никто не помогал. Другие пытались спастись вплавь, но утонули, или замерзли. Иные бросились сквозь пламя, пожирившее мост, и вместо избавления, находили мучительную смерть. Женщины, дети, грудные младенцы, обвинившие свои ручки вокруг шей матерей, лежали на льду с разможенными членами. Отчаянные, неистовые крики наполняли воздух, раздираемый пронзительным завыванием северного ветра, который от раннего утра поднялся с метелью, засыпал глаза разноплеменных жертв инеем и снегом, окостенял их руки и ноги. Березина до такой степени запрудилась трупами, что по ним можно было переходить пешком с одного берега на другой [Михайловский-Данилевский, 1839, ч. 4, с. 181–182].

Приведем и еще одно описание произошедшего на Березине — из «Политической и военной жизни Наполеона» А.-А. Жомини, который ведет свое повествование от имени самого Наполеона:

Русские, увенчав эти высоты своими батареями, посеяли страх и смерть среди 10 тысяч больных или раненых войск и бесчисленно-го числа повозок, которым до того времени не позволяли переправляться. Эта беспорядочная толпа так неистово устремилась к реке, что три четверти ее, стоявшие не противу мостов, были опрокинуты в воду теми, которые за ними следовали. Пронзительные крики этих несчастных, ужас тех, которые, поражаемые ядрами неприятеля, бросались за ними, чтобы в свою очередь быть опрокинутыми в реку; вид тысячи (sic!) женщин, следовавших за армиею из Москвы, частию попранных ногами бегущих, частию унесенных стремлением потока, частию изувеченных ядрами неприятеля; среди этой толпы лопающиеся гранаты, взлетающие на воздух ящики; воды Березины,

покрытые обломками и трупами; вот главные очерки этой картины разрушения, которой нет подобной в летописях истории и которую тщетно будет стараться передать самое опытное перо [Жомини, 1838–1842, ч. 5, с. 411].

Баварский художник Петер фон Гесс под впечатлением этих невероятных ужасов создал, посетив в 1839 году Россию, картину «Переправа через Березину», на которой изобразил массовую гибель остатков Великой армии Наполеона (о серии батальных картин Гесса см.: [Подмазо, 2012, с. 208–212]).

К этим трем историческим событиям (Варфоломеевская ночь, взятие Казани, сражение при Березине) в перечне Мечтателя органично примыкают и три исторические фигуры разных стран и эпох, жизни которых, что важно, были оборваны насильственным образом: чешского проповедника Яна Гуса в 1415 году сожгли в Констанце как еретика, что стало одной из причин затяжных и кровопролитных Гуситских войн 1419–1434 годов; одного из отцов-основателей Первой французской республики Жоржа Жака Дантона гильотинировали в 1794 году в Париже, в разгар террора Великой французской революции; последняя царица эллинистического Египта из македонской династии Птолемеев Клеопатра VII вынужденно покончила жизнь самоубийством, чтобы избежать позорной отправки в Рим. Однако в «Белых ночах» Мечтатель говорит и об этих фигурах, прежде всего, как о персонажах литературы и искусства, а применительно к Клеопатре мы даже знаем конкретный текст, к которому нас, в первую очередь, отсылает автор, — это «Египетские ночи» (1835) А.С. Пушкина, откуда Мечтателем и взята тема «Cleopatra e i suoi amanti», предложенная для создания поэтического текста итальянскому импровизатору. Инфернальный образ Клеопатры и сам по себе, и в пушкинской трактовке чрезвычайно интересовал Достоевского в период переделки им романа «Белые ночи». В своем «Ответе “Русскому вестнику”» (1861), посвященном общественной полемике¹⁰ относительно «Египетских ночей» и центральной в них фигуре Клеопатры, умерщвляющей своих любовников после проведенной с ними ночи, писатель, как отмечает Т.А. Касаткина, «ополчается именно на психологическое истолкование этого образа, сведенного

¹⁰ Об участии Достоевского в этой полемике см. также: [Шилова, 2001], [Пономарева, 2008].

почтенным журналом к “последнему выражению страсти”» [Касаткина, 2004, с. 155]. По наблюдению исследовательницы:

Он [Достоевский] понимает этот образ как выражение крайнего удаления человека от Истины, как выражение последней бездны, на краю которой оказывается языческий мир перед приходом Искупителя. Это апофеоз самообожествления человека — и апофеоз того, к чему это самообожествление приводит, — торжества плотского самоуслаждения, паучьего сладострастия, превращения другого лишь в объект, вещь; рабского угождения другому — но лишь с целью доставить себе изощренное чувственное удовольствие, безмерно возрастающее от сознания того, что «калиф на час» будет уничтожен и знает об этом [Касаткина, 2004, с. 155–156].

Знает о том, что будет уничтожен, и герой пьесы Г. Бюхнера «Смерть Дантона» (1835), удивляющий своих друзей тем, что совсем не думает бороться за свою жизнь. Обреченного на казнь Дантона называют «мертвым святым» (toter Heiliger), а сам он видит в приближающейся смерти избавление (ибо жизнь для него — «обуза») и всячески поэтизирует ее как самое дорогое и желанное. Он пытается объяснить свой мертвящий взгляд на все живое и любимой жене Жюли: «Нет, послушай! Говорят, что в могиле покой, что покой и могила — это одно и то же. Если это так, то в твоих объятиях я уже лежу под землей. Ты сладостная могила, твои губы — надгробные цветы, твой голос — похоронный звон, твоя грудь — мой могильный холм и твое сердце — мой гроб» [Бюхнер, 1935, с. 40]¹¹.

Как пишут современные историки: «<...> процесс Дантона и его сообвиняемых остается одним из самых символических моментов Революции. <...> “дело Дантона” не перестало великолепно иллюстрировать для многих исследователей черную сущность Террора. Им многократно пользовались драматурги и романисты <...>» [Биар, 2025, с. 193].

Тема собора прелатов в Констанце и сожженного заживо¹² Яна Гуса до «Белых ночей» также не раз затрагивалась разными писа-

¹¹ «Nein, höre! Die Leute sagen, im Grab sei Ruhe, und Grab und Ruhe seien eins. Wenn das ist, lieg ich in deinem Schoß schon unter der Erde. Du süßes Grab, deine Lippen sind Totenglocken, deine Stimme ist mein Grabgeläute, deine Brust mein Grabhügel und dein Herz mein Sarg» [Büchner, 1890, S. 9].

¹² Французский историк Эрнест Дени на основе средневековых источников так

телями. Прочитируем здесь для воссоздания атмосферы этой сцены небольшие фрагменты из исторического и литературного сочинений, доступных Достоевскому. К примеру, британский историк Эдуард Гиббон пишет о казни Гуса так:

Иоанн Гус и Жером Прагский, два богемские богослова, учившие правилам, не много различествующим от протестантских, были преданы огню Констанским собором, пред которым явились под охранением народной верности. Из пепла их возродилась война междоусобная, во время которой богемцы, воспламеняемые местию и энтузиазмом, долго наносили и сами терпели жесточайшие бедствия [Гиббон, 1805, с. 87–88].

А вот описание сожжения Яна Гуса из исторического романа Жорж Санд «Ян Жижка» («Jean Zizka», 1843), посвященного выдающемуся полководцу Гуситских войн:

Подвергшись в Богемии многим преследованиям, он был приглашен на собор. Он явился с охранной грамотой императора Сигизмунда. Несмотря на это, по прибытии в Констанц, он был арестован, между тем как назначенная собором комиссия приступила к

описывает казнь Гуса: «Гус протестовал еще несколько раз против доктрин, которые ему вменяли, он хотел объяснить некоторые из своих слов. Его прервали: “Ты нам надоел”, — закричал ему флорентийский кардинал, и приказал приставам заставить обвиняемого замолчать. Затем прочитали приговор собора: Гус, признанный упорствующим еретиком, был осужден к лишению сана и костру, все книги, которые он написал, должны быть сожжены, его память проклята, его душа обречена преисподней. Его заставили тотчас же взойти на возвышение, епископы лишили его всех священнических облачений, одного за другим, и возложили на голову что-то вроде митры в локоть высотой; на ней было написано крупными буквами: ересиарх, и изображены демоны, которые ссорятся из-за души еретика. Итак, осужденный был передан светским властям: идя к месту казни, он мог видеть, как жгут его книги. В качестве места казни было выбран лужок между стеной и рвом. Гус не переставал молиться: имперский маршал, герр фон Паппенгайм, спросил у него еще раз, не желает ли он отречься. Осужденный ответил то же, что отвечал, будучи обвиняемым: он готов раскаяться во всех ересях, в которых его убедят с помощью Писания, но он не может отречься от слов, которые он никогда не говорил. Маршал приказал тогда палачу исполнять свое дело. Гус был привязан к столбу за руки и шею, ногами он стоял на вязанке дров и вокруг него были нагромождены дрова и солома; когда зажгли костер, он запел гимн, но пламя, раздутое ветром, лизнуло его лицо; было видно еще некоторое время, как он шевелит головой и губами; несколько мгновений спустя он был мертв» [Дени, 2016, с. 127–128].

исследованию его учения; затем он был осужден так же, как учение его предтечи, Виклифа. Вначале Гус выказал некоторое колебание, но вскоре к нему вернулась вся его твердость, и он не пожелал отречься от своего учения, пока не докажут ему из Священного Писания ложности его взглядов: он возражал собору, что обращается к суду Иисуса Христа, и говорил, что предпочитает быть сожженным тысячу раз, чем возмутить своим отречением всех тех, которых учил истине. Он был лишен духовного сана, передан собором мирскому суду и сожжен по приказанию того же самого императора, который обещал ему неприкосновенность жизни и свободы [Жорж Санд, 1902]¹³.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос: о чем же именно мечтает рассказывать Мечтатель «Белых ночей» в «своем уголке» и «в зимний вечер» некоему «милому созданию» вроде Настеньки, которое при этом должно ангельски слушать его, «раскрыв ротик и глазки»? О беспощадной кровавой резне и истреблении тысяч мужчин, женщин и детей? о несправедливых казнях и жестоких пытках? о гибели на чужбине от огня или лютого холода? О жажде смерти и самоубийстве? Перечисленные им историко-литературные темы могут быть развернуты в фантазии талантливого художника самым неожиданным и даже парадоксальным образом, но чтобы понять, что именно он собирается творчески развернуть и переосмыслить, необходимо прежде ознакомиться с историей их литературной и культурной рецепции на тот момент (во всяком случае, на том уровне знания, которое было у просвещенных русских читателей середины XIX века и самого Достоевского).

¹³ «Tout le monde sait la suite de l'histoire de Jean Huss. Après avoir subi en Bohême plusieurs persécutions, il fut cité devant le concile. "Il comparut sur la foi d'un sauf-conduit de l'empereur Sigismond. Il n'en fut pas moins emprisonné à son arrivée à Constance, pendant qu'une commission, déléguée par le concile, examinait ses doctrines. Il fut condamné en même temps que la mémoire de son maître Wicklef. Jean Huss montra d'abord quelque hésitation; mais il reprit bientôt toute sa fermeté, ne voulant point se rétracter à moins qu'on ne lui prouvât ses erreurs par l'Écriture, appela du concile au tribunal de Jésus-Christ, et déclara qu'il aimerait mieux être brûlé mille fois que de scandaliser par son abjuration ceux auxquels il avait enseigné la vérité. Il fut dégradé des ordres sacrés, livré au bras séculier par le concile, et conduit au bûcher d'après l'ordre de ce même empereur qui lui avait garanti par serment la vie et la liberté <...>» [George Sand, 1843, p. 43–44].

Глубинное аналитико-синтетическое прочтение истории Мечтателя должно, в том числе, подразумевать анализ такой рецепции каждого из элементов перечня грез героя и последующий синтез всех без исключения элементов в соотнесении их с романом Достоевского в целом. В одной статье совершенно невозможно проделать такую объемную работу, но мы можем показать, как работает такой подход на примере анализа одного из элементов перечня (а именно сражения при Березине 1812 года, до сих пор не привлекавшего внимания исследователей этого произведения писателя), не забывая, впрочем, что он не существует изолированно от конкретного специфического ряда явлений.

Первое, что может стоять за обращением Мечтателя к сражению при Березине — это его непосредственные наблюдения за современным Петербургом, в котором народным театром середины XIX века разыгрывались, в том числе, и уличные представления, посвященные отступлению наполеоновской армии из России [Конечный, 2021, с. 129] (о подобных уличных представлениях см. также [Подосокорский, 2022б, с. 79]). Слоняющийся по городу Мечтатель вполне мог быть зрителем одного из подобных развлечений.

Также стоит учесть аллегорический характер сражения при Березине в песнях первой трети XIX века. К примеру, в национальной швейцарской «Песне о Березине» (нем. *Beresinalied*), созданной на основе стихотворения Карла Людвиг Гизеке (1761–1833) «Ночное путешествие» (*die Nachtreise*) и музыки Иоганна Иммануила Мюллера (1774–1839) и ставшей своего рода реквиемом по погибшим в Московском походе Наполеона швейцарским солдатам, говорится о том, что жизнь человека похожа на путешествие странника в ночи, и у каждого есть на его пути нечто, причиняющее ему боль и страдание, но чтобы не отчаяться и не остановиться на пути к скрытому счастью, следует двигаться дальше, в надежде, что солнце взойдет, и все изменится к лучшему (об этой песне см.: [Тихонова, 2017, с. 90]). Приведем и оригинал этого стихотворения, ставшего замечательной патриотической народной песней:

Unser Leben gleicht der Reise
eines Wandrers in der Nacht.
Jeder hat in seinem Gleise,
etwas, das ihm Kummer macht.

Aber unerwartet schwindet
vor uns Nacht und Dunkelheit,
und der Schwerbedrückte findet
Linderung in seinem Leid.

Mutig, mutig, liebe Brüder,
gebt das bange Sorgen auf:
Morgen steigt die Sonne wieder
freundlich an dem Himmel auf.

Darum laßt uns weitergehen,
weicht nicht verzagt zurück!
Dort in jenen fernen Höhen
wartet unser noch ein Glück¹⁴.

Инициатический характер «Песни о Березине» как «ночного путешествия» навстречу своему счастью (Glück) свойственен и «Белым ночам», герои которых много говорят друг с другом о счастье. При первой встрече с Настенькой Мечтатель, пришедший к ней «с той стороны», признается, что был счастлив, когда пел: «Знаете ли, я сегодня был счастлив; я шел, пел; я был за городом; со мной еще никогда не бывало таких счастливых минут» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 108]. В.Б. Шкловский, комментируя в книге «За и против. Заметки о Достоевском» (1957) рассматриваемый нами перечень грез Мечтателя, также заключает: «Для того чтобы верить в счастье, русскому юноше середины XIX века нужна была и русская история и вся Европа» [Шкловский, 1957, с. 145].

Не менее важны и литературные произведения 1830-х – 1840-х годов, посвященные сражению при Березине или затрагивающие это событие, которые Достоевский мог использовать в качестве источников фантазий своего героя. Прежде всего, стоит вспомнить о рассказе О. де Бальзака «Прощай!» (*Adieu*, 1830), переведенном на русский язык в 1832 году для журнала Н.И. Надеждина «Телескоп» как «Переправа чрез Березину». В нем тридцатилетний французский

¹⁴ Источник текста песни: <https://ingeb.org/Lieder/unserleb.html> (дата обращения: 01.05.2025). Как отмечает А.А. Постникова, «в коммуникативной памяти швейцарцев выражение “перейти Березину” означает совершить что-то невозможное» [Постникова, 2014, с. 124].

полковник Филипп де Сюси, ветеран наполеоновской службы и офицер ордена Почетного легиона, прогуливаясь в 1819 году с другом по лесу недалеко от Иль-Адана, случайно встречает в парке бывшего монастыря графиню Стефани Вандьер (в русском переводе 1832 года она названа «Юлией») и тут же лишается чувств, вспомнив, как он ее спас во время Березинской переправы в ноябре 1812 года, но сам при этом попал в плен к русским и затем провел какое-то время в Сибири.

Примечательно, что спасение графини и ее мужа, графа де Вандьер, который погибает во время переправы, происходит ночью. «О какая ночь!» («Quelle nuit!») — восклицает молодой адъютант Филиппу, призывая его поспешить со спасением [Бальзак, 1832, с. 329]. Вскоре выясняется, что графиня Стефани, которую друзья сперва приняли за призрака, после Березинской переправы много претерпела, вынужденно скитаясь вместе с остатками наполеоновской армии, и в итоге сошла с ума, дойдя до почти животного состояния. Влюбленный в нее де Сюси говорит о ней так: «Ах! Мертвая и живая, живая и сумасшедшая...» [Бальзак, 1832, с. 210] («Ah! morte et vivante, vivante et folle <...>» [Balzac, 1842–1848, vol. 15, p. 285]). Спустя время, полковнику приходит в голову идея воскресить свою возлюбленную, вернув ей рассудок путем воссоздания в своем поместье сцены их прощания на берегу Березины. В январе 1820 года он реализует свой замысел:

Вспомоществуемый своими воспоминаниями, Филипп успел скопировать в своем парке обрывистый берег, на котором генерал Эбле устроил мосты. Он набил свай и опалил их так, что они имели вид черных полу-сожженных сошек, кои, торча у обоих берегов Березины, удостоверяли отставших, что дорога во Францию им пресечена. Полковник велел нанести обломков, подобных тем, из которых товарищи его бедствий построили себе плот. Наконец, он разорил свой парк, чтобы довершить обольщение, на котором основывал последнюю свою надежду. Он заказал мундиры и оборванные костюмы, в кои одел от семи до осьми сот крестьян; настроил шалашей, бивуаков, батарей, которые сжег, не забывая ничего, чтоб воспроизвести весь ужас сцены; и — достиг своей цели [Бальзак, 1832, с. 461–462]¹⁵.

¹⁵ «Aidé par ses souvenirs, Philippe réussit à copier dans son parc la rive où le général

План де Сюси поначалу срабатывает: пришедшая на мгновение в себя Стефани узнает его и говорит: «Adieu, Philippe. Je t'aime, adieu!» [Balzac, 1842–1848, vol. 15, p. 313] (в русском переводе 1832 года это передано несколько иначе: «Прости, Филипп!.. Я люблю тебя!.. Прости!..» [Бальзак, 1832, с. 467]), после чего умирает (позднее самовольно уходит из жизни и полковник де Сюси, не вынесший ее кончины). Последние слова графини де Вандьер можно соотнести с последними словами, обращенными Настенькой к Мечтателю в ее прощальном письме: «Простите же, помните и любите вашу Настеньку» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 140]. В этом же письме Настенька и сама признается в любви к Мечтателю, но называет все произошедшее «сном, призраком» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 140], тогда как в начальной сцене рассказа Бальзака спутник де Сюси, судья д'Альбон, называет дом, где Стефани живет вместе с дядей, «дворцом Спящей красавицы»¹⁶ («C'est le palais de la Belle au Bois Dormant <...>» [Balzac, 1842–1848, vol. 15, p. 280]), а саму ее — призраком: «Je me frotte les yeux pour savoir si je dors ou si je veille, répondit le magistrat en se collant sur la grille pour tâcher de revoir le fantôme» [Balzac, 1842–1848, vol. 15, p. 280]. И хотя финал двух произведений совершенно различный (трагический у Бальзака и оптимистический у Достоевского) их сближает попытка героев изменить реальность при помощи воссоздания исторических событий силою искусства.

Вообще тема смешения сна и яви чрезвычайно характерна для изображения сражения при Березине в литературе. Это связано как с непосредственными историческими реалиями (многие солдаты и гражданские, тянущиеся за Великой армией, отступающей из

Éblé avait construit ses ponts. Il planta des chevalets et les brûla de manière à figurer les ais noirs et à demi consumés qui, de chaque côté de la rive, avaient attesté aux trainards que la route de France leur était fermée. Le colonel fit apporter des débris semblables à ceux dont s'étaient servis ses compagnons d'infortune pour construire leur embarcation. Il ravagea son parc, afin de compléter l'illusion sur laquelle il fondait sa dernière espérance. Il commanda des uniformes et des costumes délabrés, afin d'en revêtir plusieurs centaines de paysans. Il éleva des cabanes, des bivouacs, des batteries qu'il incendia. Enfin, il n'oublia rien de ce qui pouvait reproduire la plus horrible de toutes les scènes, et il atteignit à son but» [Balzac, 1842–1848, vol. 15, p. 311].

¹⁶ Так одновременно обыгрывается нынешнее состояние героини, которую надо излечить (расколдовать, как героиню сказки Шарля Перро), и ее прошлое (истоки ее сумасшествия, очевидно, скрыты в том длительном убивающем сне перед Березиной, от которого Филипп де Сюси самоотверженно сумел ее пробудить в ноябре 1812 года).

Москвы, не могли совладать с холодом, голодом и усталостью и потому засыпали по дороге без пробуждения), так и с общей поэтикой романтизма. В рассказе «Прощай!» Бальзака Филипп де Сюси стал свидетелем того, как на берегу Березины засыпали и уже не просыпались многие его сослуживцы, и даже чету Вандьер ему удалось пробудить от смертельно опасного сна лишь прямым насилием. Об этом же в поэме «Искушение» (*L'Expiation*, 1853), посвященной падению Наполеона, пишет Виктор Гюго. Начинается его поэма как раз с описания мучительного отступления наполеоновской армии из России, причем автор замечает: «Qui se couchait, mourait» («Кто ложился спать, умирал») [Hugo, 1932, p. 445]. Этот аспект темы, в свою очередь, позволяет выдвинуть гипотезу, что бодрствование героев «Белых ночей» также является своего рода противлением смерти с их стороны, но это требует отдельного исследования.

Не менее значим в качестве возможного источника мечтаний в «Белых ночах» о сражении при Березине исторический роман Р.М. Зотова «Бородинское ядро и Березинская переправа», опубликованный в 1844 году в журнале «Репертуар и Пантеон», где несколькими выпусками ранее (1844. Т. VI. Кн. 6) вышел перевод романа О. де Бальзака «Евгения Гранде», выполненный молодым Ф.М. Достоевским. Главная героиня произведения Зотова, Верушка, почти одного возраста с Настенькой: первой в начале повествования идет семнадцатый год, и в ходе развития сюжета исполняется семнадцать лет [Зотов, 1844, с. 122], последней — изначально семнадцать лет [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 120]. Как и в «Белых ночах», в романе Зотова говорится о событиях на Березине именно как о «сражении» [Зотов, 1844, с. 130], а не просто о «переправе» или «бегстве» наполеоновской армии. Заметен и «китайский» колорит в диалогах героев. У Достоевского Настенька неожиданно восклицает: «Мечтатель? позвольте, да как не знать? я сама мечтатель! Иной раз сидишь подле бабушки и чего-чего в голову не войдет. Ну, вот и начнешь мечтать, да так раздумываешься — ну, просто за китайского принца выхожу...» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 111]. У Зотова персонажи используют в разговоре «фразы китайской учтивости» [Зотов, 1844, с. 139].

Для главного героя «Бородинского ядра и Березинской переправы», полковника Александра Петровича Сульмского сражение при Березине памятно тем, что во время его он спас дочь французского офицера, родившуюся в самый разгар битвы, 16 ноября 1812 года.

Ребенка окрестили Верой, и поскольку она лишилась отца и матери, Сульмский удочерил ее и «хорошо умел образовать ее юное сердце и душу» [Зотов, 1844, с. 124]. Истинное происхождение Верушки долгое время всячески скрывалось от нее и от окружающих, но в итоге все же открылось, после чего «дитя Березины» вышло замуж за приемного отца, а вскоре волею случая обрела и отца по крови, когда граф Жюрлон, путешествующий по России, заехал в Тверь и на балу у губернатора узнал об истории своей пропавшей дочери, вынужденно оставленной им на попечение Сульмского в сражении при Березине. Таким образом, у Зотова кровопролитнейшая, беспощадная битва силою его фантазии превращается из апофеоза смерти в триумф жизни и человеческого сострадания, поскольку русский офицер оказывается способен поговорить с офицером наполеоновской армии «как человек с человеком, а не так как француз с русским» [Зотов, 1844, с. 188]. Жюрлон несколько раз акцентирует на этом внимание Сульмского:

«— Г. полковник! я не оправдываю и не обвиняю никого. Я только хочу в вас найти человека с сострадательным сердцем.

— Все русские гордятся этим качеством. Говорите, что вам угодно» [Зотов, 1844, с. 188].

Нисколько не пытаясь сравнивать произведение Зотова (его существенные художественные изъяны отмечал еще В.Г. Белинский [Белинский, 1953–1959, т. 8, с. 514–515]) и Достоевского по глубине и масштабу, отметим, что характерное для романа Зотова смещение восприятия исторического события с объективного безличного уровня на уровень личностный и субъективный весьма близко автору «Белых ночей», герои которого зачастую стремятся «излить всё свое сердце в другое сердце» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 128], а вовсе не утвердиться в моральном превосходстве над поверженным недругом.

Для героя «Белых ночей», который «создает в мечтах целые романы» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 107], историческая реальность подчинена высокохудожественному вымыслу. Мечтатель Достоевского мыслит себя, прежде всего, как «художника своей жизни», которая создается им из любого подручного материала и впечатления, способного разбудить и обогатить его творческое воображение¹⁷. Упоминая сражение при Березине в качестве своей

¹⁷ Интересно в этом смысле сравнить влияние имен великих деятелей истории и

грезы, Мечтатель не называет имени Наполеона, столь важного для творчества Достоевского в целом (см.: [Подосокорский, 2011], [Подосокорский, 2020], [Подосокорский, 2023], [Подосокорский, 2024б] и др.), однако, в истории и культурной рецепции этого события оно является ключевым. В первой русской универсальной энциклопедии — т.н. Лексиконе Плюшара — подробно излагается ход сражения на Березине 14–17 ноября 1812 года, и при этом сообщается, что «переправа Наполеона через Березину, хотя была для него весьма гибельна, принадлежит бесспорно к числу искуснейших его маневров» [Энциклопедический лексикон, 1835–1841, т. 5, с. 352]. Поэт Ф.Н. Глинка, участвовавший в войне 1812 года, пишет, что Наполеон смог перейти через Березину по причине дозволения высших сил: «Река Березина долженствовала быть гробом Наполеона и всей его армии. Неведомые судьбы Вышнего дозволили ему спастись» [Глинка, 1816–1817, ч. 3, с. 16]. Современный историк Н.А. Троицкий так обобщает значение этого события: «<...> Александр I и Кутузов планировали истребить на Березине всю французскую армию “до последнего ее солдата”, включая Наполеона, разумеется. Между тем Наполеон спас не только себя самого, но и все то, что россияне особенно старались “искоренить”: гвардию, офицерский корпус, генералитет и всех маршалов (пленен был лишь один генерал — Л. Партуно, который ранее уже побывал в плену у А.В. Суворова). “К общему сожалению, — рапортовал царю огорченный Кутузов, — сего 15-го числа Наполеон <...> переправился при деревне Студенице”. Сравнив итоги Березинской операции с тем, каково было положение Наполеона в ее начале и какую цель ставил перед собой Наполеон, можно понять, почему не только французы (А. Коленкур, А. Фэн, А. Жомини, А. Тьер), но и ряд авторитетов

культуры на героев Достоевского и А.Н. Плещеева. Последний в период публикации «Белых ночей» активно работал над повестью «Дружеские советы» (1849). Посвятив журнальный вариант романа «Белые ночи» другу своей юности Плещееву, Достоевский подчеркивал тем самым и общность их интересов на тот период — оба они разрабатывали тип петербургского Мечтателя [Загидуллина, 2008, с. 17]. В самом начале упомянутой повести Плещеева двадцатитрехлетний мечтатель Василий Михайлович Ломтев останавливается у одного магазина на Невском проспекте, «на каменном крыльце которого итальянец, с угловатыми, загорелыми чертами и небритой бородой, продавал гипсовые статуэтки, расставленные под рост на деревянном лотке», колеблясь — какую статуэтку ему следует купить: «Блюхера или Фанни Эльслер, Моцарта или Крылова, или Наполеона Бонапарт» [Плещеев, 1896, т. 1, с. 184].

европейской, русской дореволюционной, советской и постсоветской историографии (К. Клаузевиц, Ф. Меринг, Г. Хатчинсон, Д. Чандлер, М.И. Богданович, Е.В. Тарле, О.В. Соколов) пришли к выводу, что “как военный случай Березинская переправа представляет собой замечательное наполеоновское достижение”, ибо “честь свою Наполеон здесь спас в полной мере и даже приобрел новую славу”» [Троицкий, 2020, т. 2, с. 264–265].

Мы не можем говорить о явном наполеонизме Мечтателя, в отличие от господина Прохарчина, героя «Записок из подполья», Раскольников, генерала Иволгина и др., но можем отметить некоторые скрытые отсылки в тексте «Белых ночей» к наполеоновской теме, помимо сражения при Березине. Прежде всего, отметим, что Мечтатель, по всей видимости, как и сам Достоевский, родился в год смерти Наполеона, ибо писатель наделил его *своим* возрастом (а вовсе не возрастом своего друга Плещеева). Как говорит о той эпохе другой герой Достоевского, генерал Иволгин, применительно к восприятию Наполеона: «Мир был наполнен этим именем; я, так сказать, с молоком всосал» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 413]. Заметим, что в том же двадцатилетнем возрасте, что и Мечтатель, пребывают князь Мышкин [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 6], который признается, что в своих снах «не Наполеона, а все австрийцев разбивает» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 354], и Евгений Онегин (под конец романа [Пушкин, 1977–1979, т. 5, с. 146]), в кабинете которого хранится статуэтка Наполеона [Пушкин, 1977–1979, т. 5, с. 128]. Само по себе совпадение возраста этих героев не говорит ни о чем, кроме их молодости, но в свете общей для этих образов наполеоновской темы позволяет взглянуть на их общие черты пристальнее. В частности М.В. Загидуллина пишет, что герой «Белых ночей» — «это тип мечтателя-альтруиста, открытого миру, готового по первому зову служить другому человеку. От него нити идут к Идиоту-Мышкину» [Загидуллина, 2008, с. 17] (о специфическом наполеонизме Мышкина см. также: [Подосокорский, 2007]). В.А. Викторovich также указывает на целый ряд перекличек «Белых ночей» с «Евгением Онегиным» [Викторovich, 2021, с. 411–415].

Наполеонизм героя «Белых ночей» обнаруживает себя и через литературную аллюзию на более ранний рассказ Достоевского «Господин Прохарчин» (1846), в котором жилец Марк Иванович патетически восклицает, обращаясь к заболевшему Семену Ивановичу: **«Что ж вы? баран вы! ни кола, ни двора. Что вы, один, что ли на**

свете? для вас свет, что ли, сделан? Наполеон вы, что ли, какой? что вы? кто вы? Наполеон вы, а? Наполеон или нет?! Говорите же, сударь, Наполеон или нет?..» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 257]¹⁸. Не дождавшись ответа от Прохарчина, Марк Иванович в исступлении сам же и отвечает на свои риторические вопросы: **«Кто вы? что вы? Нуль, сударь, блин круглый, вот что!»** [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 255]. Это противопоставление Наполеона как единицы и обычных людей, как нулей, восходит, в свою очередь, к упомянутому нами ранее роману «Евгений Онегин», в котором говорится:

Мы почитаем всех нулями,
А единицами — себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно;
Нам чувство дико и смешно
[Пушкин, 1977–1979, т. 5, с. 36].

В «Белых ночах» Мечтатель, живущий в доме Баранникова, где он «немножко должен за квартиру», также затрагивает это противопоставление наполеоновской единицы, для которой свет создан, и «круглого нуля», причем ему не нравятся оба возможных варианта самоощущения: «О, Настенька! ведь **грустно будет оставаться одному, одному совершенно**, и даже не иметь чего пожалеть — ничего, ровно ничего... потому что всё, что потерял-то, всё это, **всё было ничто, глупый, круглый нуль**, было одно лишь мечтанье!» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 119]. Если Мечтатель и глядит в Наполеоны, то, скорее, в духе поэмы «Домик в Коломне» (1830), которую он подразумевает в числе прочих своих грез¹⁹.

¹⁸ О наполеонизме в рассказе «Господин Прохарчин» см.: [Подосокорский, 2022а].

¹⁹ Поскольку *домик в Коломне* в перечне Мечтателя не заключен в кавычки и написан со строчной буквы, можно предположить, что наряду с отсылкой к одноименной поэме Пушкина, речь идет о доме, в котором живет Мечтатель, ибо действие «Белых ночей» «разворачивается в петербургском районе Коломна, населенном мелким чиновничеством» [Достоевский, 2013–, т. 2, с. 682]. Кроме того, *домик в Коломне* может восприниматься и как субъект сам по себе, поскольку Мечтатель признается, что общается с домами, как со своими друзьями: «Мне тоже и дома знакомы. Когда я иду, каждый как будто забегает вперед меня на улицу, глядит на меня во все окна и чуть не говорит: “Здравствуйте; как ваше здоровье? и я, слава Богу, здоров, а ко мне в мае месяце прибавят этаж”. Или: “Как ваше здоровье? а

В этом произведении Пушкина автор-рассказчик также обращается к историческим реалиям наполеоновской эпохи исключительно с точки зрения их личной экспроприации:

Как весело стихи свои вести
Под цифрами, в порядке, строй за строем,
Не позволять им в сторону брести,
Как войску, в пух рассыпанному боем!
Тут каждый слог замечен и в чести,
Тут каждый стих глядит себе героем,
А стихотворец... с кем же равен он?
Он Тамерлан иль сам Наполеон²⁰
[Пушкин, 1977–1979, т. 4, с. 235].

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что в романе «Белые ночи» перечень трагических и кровопролитных исторических событий — это, прежде всего, набор тем, от которых отталкивается фантазия Мечтателя для их творческой трансформации. В романе «Идиот» Достоевский показал более явно, как другой герой-мечтатель (генерал Иволгин) совершенно переосмыслил историю оккупации Наполеоном Москвы осенью 1812 года, сделав акцент не на жестокости армий и вражде народов, но на сердечном участии и душевной открытости конкретных людей. В «Белых ночах», как это вообще свойственно произведениям раннего периода творчества писателя, поэтическая трансформация отечественной и всемирной истории происходит в более скрытом виде, поэтому понимание ее требует более основательного знакомства с соответствующим историко-литературным контекстом. В этой статье мы на примере одного элемента перечня Мечтателя, а именно сражения при Березине, попытались показать, как это работает.

меня завтра в починку”. Или: “Я чуть не сгорел и притом испугался” и т. д. Из них у меня есть любимцы, есть короткие приятели; один из них намерен лечиться это лето у архитектора. Нарочно буду заходить каждый день, чтоб не залечили как-нибудь, сохрани его Господи!..» [Достоевский, 2013–, т. 2, с. 103].

²⁰ Это сравнение Пушкина воспринимается исследователями как параллель с «Дон-Жуаном» Байрона (песнь XI, октава LV): «Even I <...> Was reckoned, a considerable time, / The grand Napoleon of the realms of rhyme» («Даже я <...> долгое время считался великим Наполеоном в области рифм» — англ.) [Шапир 2003/2005, с. 97], [Лямина, 2025, с. 82].

Список литературы

1. Альтшуллер, 1996 — *Альтшуллер М.Г.* Эпоха Вальтера Скотта в России: Исторический роман 1830-х годов. СПб.: Академический проект, 1996. 336 с.
2. Аполлонно, 2020 — *Аполлонно К.* Секреты Достоевского: чтение против течения / пер. с англ. Е. Цыпина. СПб.: Academic Studies Press / БиблиоРоссия, 2020. 320 с.
3. Бальзак, 1832 — *Бальзак О. де.* Переправа чрез Березину // Телескоп. М.: В Университетской тип., 1832. Ч. 11, №№ 17–20. С. 186–213, 312–343, 440–469.
4. Белинский, 1953–1959 — *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.
5. Бессонова, 2025 — *Бессонова А.С.* Пушкин и Вальтер Скотт в круге детского чтения Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. № 1 (29). 2025. С. 89–122.
6. Биар, 2025 — *Биар М., Линтон М.* Террор: Демоны Французской революции / пер. с фр. А.Ю. Кабалкина. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2025. 384 с.
7. Богданович, 1859–1860 — *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам: в 3 т. СПб.: Тип. Торгового дома С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К°, 1859–1860.
8. Бутурлин, 1837–1838 — *Бутурлин Д.П.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году: в 2 ч. 2-е изд. СПб.: В Военной тип., 1837–1838.
9. Бюхнер, 1935 — *Бюхнер Г.* Сочинения / пер. Е.Т. Рудневой; Статья А.К. Дживелегова; Комментарии А.И. Рубина. Москва; Ленинград: Academia, 1935. 399 с.
10. Викторovich, 2021 — *Викторovich В.А.* Заметки комментатора // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2021. Т. 23. С. 411–421.
11. Гиббон, 1805 — *Гиббон Э.* Краткое начертание истории света, из сочинений Гиббона / с англ. Пер. Буринский. М.: В Университетской тип., 1805. 112 с.
12. Глинка, 1816–1817 — *Глинка Ф.Н.* Письма к другу, содержащие в себе: замечания, мысли и рассуждения о разных предметах. С присовокуплением Исторического повествования: Зиновий Богдан Хмельницкой или Освобожденная Малороссия: в 3 ч. СПб.: В тип. К. Крайя, в тип. И. Байкова, 1816–1817.
13. Гофман, 1830 — *Гофман Э.Т.А.* Пустой дом // Литературная газета. 1830. Т. 1, № 31. С. 245–250.
14. Гус, 1971 — *Гус М.С.* Идеи и образы Ф.М. Достоевского. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1971. 592 с.
15. Дени, 2016 — *Дени Э.* Гус и гуситские войны. М.: Клио, 2016. 424 с.
16. Джоунс Малкольм, 1998 — *Джоунс Малкольм В.* Достоевский после Бахтина. Исследование фантастического реализма Достоевского / пер. с англ. А.В. Скидана. СПб.: Академический проект, 1998. 256 с.
17. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
18. Достоевский, 1992 — *Достоевский А.М.* Воспоминания / вступит. статья, подгот. текста и примеч. С.В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 395 с.
19. Достоевский, 2013– — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 35 т. СПб.: Наука, 2013– (издание продолжается).

20. Дрыжакова, 2010 — *Дрыжакова Е.Н.* Достоевский и Вальтер Скотт // Художественный перевод и сравнительное изучение культур. СПб.: Наука, 2010. С. 316–326.
21. Жилиякова, 1989 — *Жилиякова Э.М.* Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844–1849). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989. 272 с.
22. Жилиякова, 2023 — *Жилиякова Э.М.* Вальтер Скотт и Ф.М. Достоевский // Творчество Вальтера Скотта в пространстве мировой культуры: Коллективная монография / ред. И.О. Волков. Томск: Национальный исследовательский Томский гос. ун-т, 2023. С. 92–105.
23. Жомини, 1838–1842 — *Жомини А.-А.* Политическая и военная жизнь Наполеона. Сочинение генерал-адъютанта, барона Жомини, переведенное с французского Ушинским: в 6 ч. 2-е изд., испр. СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1838–1842.
24. Жорж Санд, 1902 — *Жорж Санд.* Ян Жижка / пер. с фр.; под ред., с введением и примеч. А. Трачевского. СПб.: Изд. Картографического заведения А. Ильина, 1902. 124 с. URL: http://az.lib.ru/s/sand_z/text_1843_jean_zyska.shtml (дата обращения: 29.03.2025).
25. Загидуллина, 2008 — *Загидуллина М.В.* Белые ночи // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 16–19.
26. Зотов, 1844 — *Зотов Р.М.* Бородинское ядро и Березинская переправа. Исторический роман // Репертуар и Пантеон. СПб.: В Тип. К. Жернакова, 1844. Т. VIII. Кн. 10. С. 120–204.
27. Карамзин, 1842–1843 — *Карамзин Н.М.* История государства Российского. В 3 книгах, заключающих в себе 12 томов, с полными примечаниями, украшенное портретом автора, гравированным на стали в Лондоне. 5-е изд. СПб.: Изд. И. Эйнерлинга, 1842–1843.
28. Касаткина, 2004 — *Касаткина Т.А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.
29. Киреева, 2004 — *Киреева Р.А.* Пушкин как историк глазами В.О. Ключевского // Отечественная история. 2004. № 4. С. 108–112.
30. Кирпотин, 1978 — *Кирпотин В.Я.* Избранные работы: в 3 т. М.: Худож. лит., 1978.
31. Конечный, 2021 — *Конечный А.* Былой Петербург: проза будней и поэзия праздника. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 672 с.
32. Лямина, 2025 — *Лямина Е.Э.* Комментарий // Пушкин А.С. Сочинения. Комментированное издание. Вып. 4 (7): Домик в Коломне / коммент. Е.Э. Ляминой; под ред. А.Л. Осповата. М.: Рутения, 2025. С. 15–140.
33. Мериме, 1963 — *Мериме П.* Собр. соч.: в 6 т. / пер. с фр.; под ред. Н.М. Любимова. М.: Правда, 1963.
34. Милло, 1820 — *Милло К.Ф.К.* Всеобщая древняя и новая история аббата Миллота, содержащая повествование о всех народах мира, и доведенная до 1815 года. С присовокуплением Атласа древней и новой географии: в 13 ч. СПб.: В Тип. Императорских Театров, 1820.
35. Михайловский-Данилевский, 1839 — *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны в 1812 году, по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским: в 4 ч. СПб.: Военная типография, 1839.
36. Михалева, 2006 — *Михалева А.А.* Герой-двойник и структура произведения (Э.Т. Гофман и Ф.М. Достоевский): дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 248 с.

37. Мочульский, 1980 — *Мочульский К.В.* Достоевский: Жизнь и творчество. Paris: YMCA-PRESS, 1980. 564 с.
38. Одоевский, 1982 — *Одоевский В.Ф.* О литературе и искусстве / вступит. статья, составл. и коммент. В.И. Сахарова. М.: Современник, 1982. 223 с.
39. Плещеев, 1896 — *Плещеев А.Н.* Повести и рассказы: в 2 т. / под. ред. П.В. Быкова. СПб., 1896.
40. Подмазо, 2012 — *Подмазо А.А.* Живописные памятники войны 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года в культурной памяти России. М.: Кучково поле, 2012. С. 198–220.
41. Подосокорский, 2007 — *Подосокорский Н.Н.* Наполеонизм князя Мышкина // Литературоведческий журнал. Секция языка и литературы РАН. ИНИОН РАН. 2007. № 21. С. 113–125.
42. Подосокорский, 2011 — *Подосокорский Н.Н.* 1812 год и наполеоновский миф в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Вопросы литературы. 2011. № 6. С. 39–71.
43. Подосокорский, 2019 — *Подосокорский Н.Н.* Призраки «Белых ночей»: масон в паутине посмертия, майская утопленница и дух царя Соломона // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 3 (7). С. 88–116.
44. Подосокорский, 2020 — *Подосокорский Н.Н.* Легенда о Ротшильде как «Наполеоне финансового мира» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 1 (9). С. 31–50.
45. Подосокорский, 2022a — *Подосокорский Н.Н.* «Наполеон вы, что ли, какой?»: «Наполеонова память» в рассказе Ф.М. Достоевского «Господин Прохарчин» // «Меры не зная, смертных любя»: к 90-летию российского филолога Владимира Серафимовича Вахрушева (1932–2011) / ред.-сост. Л.В. Комуцци и П.С. Глушаков. СПб.: Изд-во «Росток», 2022. С. 329–341.
46. Подосокорский, 2022b — *Подосокорский Н.Н.* «Наполеоновский» Петербург и его отражение в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 4 (20). С. 71–135. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-4-71-135>
47. Подосокорский, 2023 — *Подосокорский Н.Н.* Наполеон-Солнце в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 57–105. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-57-105>
48. Подосокорский, 2024a — *Подосокорский Н.Н.* История в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 98–125.
49. Подосокорский, 2024b — *Подосокорский Н.Н.* Лакей Смердяков как почитатель Наполеона в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Новый мир. 2024. № 1 (1185). С. 172–183.
50. Полевой, 1844–1848 — *Полевой Н.А.* История Наполеона: в 5 т. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1844–1848.
51. Пономарева, 2008 — *Пономарева Л.Г.* Ответ «Русскому вестнику» // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 232–235.
52. Постникова, 2014 — *Постникова А.А.* «Швейцарская» Березина: память, воспева-

ющая славу // «Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи». Материалы XII Международной научной конференции. Москва, 25 апреля 2013 г. / отв. ред. Л.В. Митрошенко-ва. М.: Изд-во ГБУ «ЦГА Москвы», 2014. С. 116–128

53. Пушкин, 1777–1799 — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.

54. Скотт, 1831–1832 — *Скотт В.* Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французов: в 14 ч. / пер. с англ. С. де Шаплет. СПб.: В Тип. Александра Смирдина, 1831–1832.

55. Смарагдов, 1844 — *Смарагдов С.Н.* Руководство к познанию новой истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым, адъюнкт-профессором Александровского лицея. СПб.: Французская тип., 1844. IV. 612 с.

56. Татищев, 1768–1848 — *Татищев В.Н.* История российская с самых древнейших времен. Неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Васильем Никитичем Татищевым: в 5 кн. М.: Напечатана при Императорском Московском университете, 1768–1848.

57. Тихонова, 2017 — *Тихонова А.В.* Участие швейцарцев в войне 1812 г. в составе Великой армии Наполеона // Вопросы истории. 2017. № 3. С. 86–97.

58. Троицкий, 2020 — *Троицкий Н.А.* Наполеон Великий: в 2 т. / подг. к публ. М.В. Ковалева, Ю.Г. Степанова. М.: Политическая энциклопедия, 2020.

59. Черепнин, 1968 — *Черепнин Л.В.* Исторические взгляды классиков русской литературы. М.: Мысль, 1968. 383 с.

60. Шапир, 2003/2005 — *Шапир М.И.* Семантические мотивы иронико-комической октавы: (Байрон — Пушкин — Тимур Кибиров) // Philologica. 2003/2005. Т. 8. № 19/20. С. 91–168.

61. Шилова, 2001 — *Шилова Н.Л.* Достоевский и проблема интерпретации «Египетских ночей» Пушкина // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. С. 360–367.

62. Шкловский, 1957 — *Шкловский В.Б.* За и против. Заметки о Достоевском. М.: Сов. писатель, 1957. 259 с.

63. Щербатов, 1770–1791 — *Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен: в 7 т. СПб.: При Императорской Академии наук, 1770–1791.

64. Энциклопедический лексикон, 1835–1841 — Энциклопедический лексикон: в 17 т. СПб.: В тип. А. Плюшара, 1835–1841.

65. Balzac, 1842–1848 — *Balzac H. de.* Oeuvres complètes de M. de Balzac. Paris: Furne, 1842–1848.

66. Büchner, 1890 — *Büchner G.* Dantons Tod. Leipzig; Wien: Bibliographisches Institut, 1890. 83 S.

67. George Sand, 1843 — *George Sand.* Jean Ziska, épisode de la guerre des Hussites. Bruxelles et Leipzig: C. Muquardt, 1843. 167 p.

68. Hugo, 1932 — *Hugo V.* Les châtiments (1853) / Éditeur scientifique Paul Berret. Paris: Librairie Hachette, 1932. 771 p.

69. Mérimée, 1842 — *Mérimée P.* Chronique du règne de Charles IX; suivie de La double méprise; et de La Guzla. Nouvelles éditions revues et corrigées. Paris: Charpentier, 1842. 484 p.

References

1. Al'tshuller, M.G. *Epokha Val'tera Skotta v Rossii: Istoricheskii roman 1830-kh godov* [The Epoch of Walter Scott in Russia: The Historical Novel in 1930s]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1996. 336 p. (In Russ.)
2. Apollonio, Carol. *Sekrety Dostoievskogo: chtenie protiv techeniia* [Dostoevsky's Secrets: Reading against the Grain]. Trans. from English by E. Tsykina. St. Petersburg, Academic Studies Press / BiblioRossika Publ., 2020. 320 p. (In Russ.)
3. Balzac, Honoré de. "Preprava cherez Berezinu" ["The Passage of the Berezina"], part 11. *Teleskop*, no. 17–20, 1832, pp. 186–213, 312–343, 440–469. (In Russ.)
4. Belinskii, V.G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 tomakh* [Complete Works: in 13 vols]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1953–1959. (In Russ.)
5. Bessonova, A.S. "Pushkin i Val'ter Skott v krughe detskogo chteniia Dostoievskogo" ["Pushkin and Walter Scott in Dostoevsky's Childhood Readings"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 1 (29), 2025, pp. 89–122. (In Russ.)
6. Biar, M., and M. Linton. *Terror: Demyon Frantsuzskoi revoliutsii* [Terror: The Demons of French Revolution]. Trans. from French by A.Iu. Kabalkin. Moscow, KoLibri; Azbuka-Attikus Publ., 2025. 384 p. (In Russ.)
7. Bogdanovich, M.I. *Istoriia Otechestvennoi voiny 1812 goda, po dostovernym istochnikam: v 3 tomakh* [History of the Patriotic War of 1812, according to Reliable Sources: in 3 vols]. St. Petersburg, Tipografiia Torgovogo doma S. Strugovshchikova, G. Pokhitonova, N. Vodova i K° Publ., 1859–1860. (In Russ.)
8. Buturlin, D.P. *Istoriia nashestviia imperatora Napoleona na Rossiuu v 1812 godu: v 2 chastiakh* [The History of Napoleon Campaign in Russia in 1812: in 2 parts]. 2nd Edition. St. Petersburg, V Voennoi tipografii Publ., 1837–1838. (In Russ.)
9. Büchner, Georg. *Sochineniia* [Works]. Trans. by E.T. Rudnevaia; article by A.K. Dzhivelegov; comments by A.I. Rubin. Moskva; Leningrad, Academia Publ., 1935. 399 p. (In Russ.)
10. Viktorovich, V.A. "Zametki kommentatora" ["A Commentator's Notes"]. *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky: Materials and Research], vol. 23. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2021, pp. 411–421. (In Russ.)
11. Gibbon, Edward. *Kratkoe nachertanie istorii sveta, iz sochinenii Gibbona* [A Short Essay on World History, from Gibbon's Work]. Trans. from English by Burinskii. Moscow, V Universitetskoi tipografii Publ., 1805. 112 p. (In Russ.)
12. Glinka, F.N. *Pis'ma k drugu, soderzhashchie v sebe: zamechaniia, mysli i rassuzhdeniia o raznykh predmetakh. S prisoikovupleniem Istoricheskogo povestvovaniia: Zinobii Bogdan Khmel'niiskoi ili Osvobodhennaia Malorossiiia: v 3 chastiakh* [Letters to a Friend, Containing: Notes, Thoughts, and Reflections on Various Topics. With an Historical Tale: Zinobii Bogdan Khmelnistkii or The Liberation of Malorossiiia: in 3 parts]. St. Petersburg, V tipografii K. Kraiia Publ., v tipografii I. Baikova Publ., 1816–1817. (In Russ.)
13. Hoffmann, E.T.A. "Pustoi dom" ["The Deserted House"]. *Literaturnaia Gazeta*, vol. 1, no. 31, 1830, pp. 245–250. (In Russ.)
14. Gus, M.S. *Idei i obrazy F.M. Dostoievskogo* [Ideas and Images of Dostoevsky]. 2nd Edition. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1971. 592 p. (In Russ.)
15. Deni E. *Gus i gusitskie voiny* [Gus and the Wars of Gus]. Moscow, Klio Publ., 2016. 424 p. (In Russ.)

16. Jones, Malcolm V. *Dostoevskii posle Bakhtina. Issledovanie fantasticheskogo realizma Dostoevskogo* [Dostoevsky after Bakhtin: Readings in Dostoevsky's Fantastic Realism]. Trans. by A.V. Skidana. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1998. 256 p. (In Russ.)
17. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
18. Dostoevskii, A.M. *Vospominaniia* [Memories]. Comm. and ed. by S.V. Belov. St. Petersburg, Andreev i synov'ia Publ., 1992. 395 p. (In Russ.)
19. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 35 tomakh* [Complete Works: in 35 vols]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013–continuing publication. (In Russ.)
20. Dryzhakova, E.N. “Dostoevskii i Val'ter Skott” [“Dostoevsky and Walter Scott”]. *Khudozhestvennyi perevod i sravnitel'noe izuchenie kul'tur* [Artistic Translation and Cultural Comparative Studies]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 316–326. (In Russ.)
21. Zhiliakova, E.M. *Traditsii sentimentalizma v tvorchestve rannego Dostoevskogo (1844–1849)* [The Tradition of Sentimentalism in Dostoevsky's Early Works (1844–1849)]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ., 1989. 272 p. (In Russ.)
22. Zhiliakova, E.M. “Val'ter Skott i F.M. Dostoevskii” [“Walter Scott and Fyodor Dostoevsky”]. Volkov, I.O., editor. *Tvorchestvo Val'tera Skotta v prostranstve mirovoi kul'tury: Kollektivnaia monografiia* [Walter Scott's Works in World Culture: A Collective Monograph]. Tomsk, Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2023, pp. 92–105. (In Russ.)
23. Jomini, Antoine-Henri. *Politicheskaia i voennaia zhizn' Napoleona. Sochinenie general-ad'utanta, barona Zhomini, perevedennoe s frantsuzskogo Ushinskim: v 6 chastiakh* [Political and Military Life of Napoleon. A Work by the General, Baron Jomini, Translated from French: in 6 parts]. 2nd Edition, corrected. St. Petersburg, Tip. Shtaba Otdel'nogo korpusa vnutrennei strazhi Publ., 1838–1842. (In Russ.)
24. George Sand. *Ian Zhizhka* [Jean Zyska]. Trans. from French. Ed. by A. Trachevskii. St. Petersburg, Izdanie Kartograficheskogo zavedeniia A. Il'ina Publ., 1902. 124 p. Available at: http://az.lib.ru/s/sand_z/text_1843_jean_zyska.shtml (Accessed 29 March. 2025). (In Russ.)
25. Zagidullina, M.V. “Belye nochi” [“White Nights”]. Shchennikov, G.K., and B.N. Tikhomirov, eds. *Dostoevskii: Sochineniia, pis'ma, dokumenty: Slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Works, Letters, Documents: Reference Dictionary]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2008, pp. 16–19. (In Russ.)
26. Zotov, R.M. “Borodinskoe iadro i Berezinskaia pereprava. Istoricheskii roman” [“The Core of Borodino and the Passage of Berezina. An Historical Novel”]. *Repertur i Panteon*, vol. 8, book 10, 1844, pp. 120–204. (In Russ.)
27. Karamzin, N.M. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo: v 12 tomakh* [History of the Russian State: in 12 vols]. 5th Edition. St. Petersburg, I. Einerling Publ., 1842–1843. (In Russ.)
28. Kasatkina, T.A. *O tvoriashchei prirode slova. Ontologichnost' slova v tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak osnova “realizma v vyschem smysle”* [On the Poietic Nature the Word. The Ontology of the Word in the Work of F.M. Dostoevsky as the Fundament of “Realism in a Higher Sense”]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)
29. Kireeva, R.A. “Pushkin kak istorik glazami V.O. Kliuchevskogo” [“Pushkin as an Historian through the Eyes of V.O. Kliuchevsky”]. *Otechestvennaia istoriia*, no. 4, 2004, pp. 108–112. (In Russ.)

30. Kirpotin, V.Ia. *Izbrannyye raboty: v 3 tomakh* [Selected Works: in 3 vols]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1978. (In Russ.)
31. Konechnyi, A. *Byloi Peterburg: proza budnei i poeziia prazdnika* [Ancient Petersburg: Everyday Prose and Prose of the Feast]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. 672 p. (In Russ.)
32. Liamina, E.E. "Kommentarii" ["Commentaries"]. Pushkin, A.S. *Sochineniia. Kommentirovannoe izdanie* [Works. Commented Edition], issue 4 (7): Domik v Kolomne [A House in Kolomna]. Comm. by E.E. Liamina; ed. A.L. Ospovat. Moscow, Ruteniia Publ., 2025, pp. 15–140. (In Russ.)
33. Mérimée, Prosper. *Sobranie sochinenii: v 6 tomakh* [Collected Works: in 6 vols]. Trans. from French; ed. by N.M. Liubimov. Moscow, Pravda Publ., 1963. (In Russ.)
34. Millot, K.F.K. *Vseobshchaia drevniaia i novaia istoriia abbata Millota, sodержashchaia povestvovanie o vseh narodakh mira, i dovedennaia do 1815 goda. S prisovokupleniem Atlasa drevnei i novoi geografii v 13 chastiakh* [The Universal Ancient and Modern History of Abbé Millot, Containing an Account of All the Peoples of the World, and Continued Until 1815. With the Addition of an Atlas of Ancient and Modern Geography in 13 parts]. St. Petersburg, V Tipografii Imperatorskikh Teatrov Publ., 1820. (In Russ.)
35. Mikhailovskii-Danilevskii, A.I. *Opisanie Otechestvennoi voiny v 1812 godu, po vysochaishemu poveleniiu sochinennoe general-leitenantom Mikhailovskim-Danilevskim: v 4 chastiakh* [The Description of the Patriotic War in 1812, Compiled by General-Lieutenant Mikhailovskiy-Danelevskiy on Highest Command: in 4 parts]. St. Petersburg, Voennaia tipografiia Publ., 1839. (In Russ.)
36. Mikhaleva, A.A. *Geroi-dvoinki i struktura proizvedeniia (E.T. Gofman i F.M. Dostoevskii)* [The Hero-Double and the Structure of the Text (E.T. Hoffmann and F.M. Dostoevsky: PhD Thesis)]. Moscow, 2006. 248 p. (In Russ.)
37. Mochul'skii, K.V. *Dostoevskii: Zhizn' i tvorchestvo* [Dostoevsky: Life and Works]. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1980. 564 p. (In Russ.)
38. Odoevskii, V.F. *O literature i iskusstve* [About Literature and Art]. Intro, comm. and comp. V.I. Sakharov. Moscow, Sovremennik Publ., 1982. 223 p. (In Russ.)
39. Pleshcheev, A.N. *Povesti i rasskazy: v 2 tomakh* [Tales and Stories: in 2 vols]. Ed. by P.V. Bykov. St. Petersburg, 1896. (In Russ.)
40. Podmazo, A.A. "Zhivopisnye pamiatniki voiny 1812–1814 gg." ["Pictorial Monuments of the War of 1812–1814"]. *Otechestvennaia voina 1812 goda v kul'turnoi pamiati Rossii* [The Patriotic War of 1812 in Russian Cultural Memory]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2012, pp. 198–220. (In Russ.)
41. Podosokorskii, N.N. "Napoleonizm kniazia Myshkina" ["Prince Myshkin's Napoleonism"]. *Literaturovedcheskii zhurnal. Sektsiia iazyka i literatury RAN*, no. 21, 2007, pp. 113–125. (In Russ.)
42. Podosokorskii, N.N. "1812 god i napoleonovskii mif v romane F. M. Dostoevskogo 'Idiot'" ["The Year 1812 and the Myth of Napoleon in Dostoevsky's Novel *The Idiot*"]. *Voprosy literatury*, no. 6, 2011, pp. 39–71. (In Russ.)
43. Podosokorskii, N.N. "Prizraki 'Belykh nochei': mason v pautine posmertia, maikaia utopenitsa i dukh tsaria Solomona" ["The Ghosts of *White Nights*: A Freemason in the Net of

Afterlife, The Maiden Drowned in May and the King Solomon's Spirit"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (7), 2019, pp. 88–116. (In Russ.)

44. Podosokorskii, N.N. "Legenda o Rotshil'de kak 'Napoleon finansovogo mira' v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot'" ["The Legend of Rothschild as the 'Napoleon of Finance' in Dostoevsky's Novel *The Idiot*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 1 (9), 2020, pp. 31–50. (In Russ.)

45. Podosokorskii, N.N. "'Napoleon vy, chto li, kakoi?': 'Napoleonova pamiat'" v rasskaze F.M. Dostoevskogo 'Gospodin Prokharchin'" ["'Are You Some Napoleon, or What?': 'The Memory of Napoleon' in Dostoevsky's Story 'Mr. Prokharchin'"]. Komutstsi, L.V., and Glushakov, P.S., eds. *Mery ne znal ia, smertnykh lubia": k 90-letiiu rossiiskogo filologa Vladimira Serafimovicha Vakhrusheva (1932–2011)* ["I Did Not Know Measure in Love for the Mortals": in occasion of the 90th Anniversary of the Russian Philologue Vladimir Serafimovich Vakhrushev (1932–2011)]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2022, pp. 329–341. (In Russ.)

46. Podosokorskii, N.N. "'Napoleonovskii' Peterburg i ego otrazhenie v romane F.M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie'" ["'Napoleonic' Petersburg and its Reflection in Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (20), 2022, pp. 71–135. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-4-71-135>

47. Podosokorskii, N.N. "Napoleon-Solntse v romane F.M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie'" ["Napoleon-Sun in Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2 (22), 2023, pp. 57–105. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-57-105>

48. Podosokorskii, N.N. "Istoriia v zhizni i tvorchestve F.M. Dostoevskogo" ["History in Dostoevsky's Life and Works"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 3, 2024, pp. 98–125. (In Russ.)

49. Podosokorskii, N.N. "Lakei Smerdiakov kak pochitatel' Napoleona v romane F.M. Dostoevskogo 'Brat'ia Karamazov'" ["Smerdyakov the Footman as an Admirer of Napoleon in Dostoevsky's Novel *The Brothers Karamazov*"]. *Novyi mir*, no. 1 (1185), 2024, pp. 172–183. (In Russ.)

50. Polevoi, N.A. *Istoriia Napoleona: v 5 tomakh* [*The History of Napoleon in 5 vols*]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1844–1848. (In Russ.)

51. Ponomareva, L.G. "Otvét 'Russkomu vestniku'" ["An Answer to the *Russian Herald*"]. Shchennikov, G.K., and B.N. Tikhomirov, eds. *Dostoevskii: Sochineniia, pis'ma, dokumenty: Slovar'-spravochnik* [*Dostoevsky: Works, Letters, Documents: A Reference-Dictionary*]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2008, pp. 232–235. (In Russ.)

52. Postnikova, A.A. "'Shveitsarskaia' Berezina: pamiat', vospivaia iushchaia slavu" ["The 'Swiss' Berezina: Memory, Speaking of Glory"]. Mitroshenkova, L.V., editor. *Epokha napoleonovskikh vojn: liudi, sobytia, idei. Materialy XII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 25 apreliia 2013 g.* ["The Epoch of Napoleonic Wars: People, Events, Ideas." *Materials from the 12th International Conference. Moscow, 25 Apr. 2013*]. Moscow, GBU "TsGA Moskvyy" Publ., 2014, pp. 116–128. (In Russ.)

53. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [*Complete Works: in 10 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1977–1979. (In Russ.)

54. Scott, Walter. *Zhizn' Napoleona Bonaparte, imperatora frantsuzov: v 14 chastiakh* [*Life of Napoleon Bonaparte, Emperor of the French: in 14 parts*]. St. Petersburg, V Tip. Aleksandra Smirdina Publ., 1831–1832. (In Russ.)

55. Smaragdov, S.N. *Rukovodstvo k poznaniuu novoi istorii dlia srednikh uchebnykh zavedenii, sochinennoe S. Smaragdovym, ad'iunkt-professorom Aleksandrovskogo litseia* [Guide to the Study of Modern History for Secondary Educational Institutions, Composed by S. Smaragdov, Adjunct Professor of the Alexander Lyceum]. St. Petersburg, Frantsuzskaia tip. Publ., 1844. IV, 612 p. (In Russ.)
56. Tatishchev, V.N. *Istoriia rossiiskaia s samykh drevneishikh vremen. Neusypnyimi trudami cherez tridsat' let sobrannaia i opisannaia pokoinym tainym sovetnikom i astrakhanskim gubernatorom, Vasil'em Nikitichem Tatishchevym: v 5 knigakh* [Russian History from the Most Ancient Times. Collected and Described Over Thirty Years of Unceasing Labor by the Late Privy Councillor and Governor of Astrakhan, Vasily Nikitich Tatishchev: In 5 books]. Moscow, Napechatana pri Imperatorskom Moskovskom universitete Publ., 1768–1848. (In Russ.)
57. Tikhonova, A.V. “Uchastie shveitsartsev v voine 1812 g. v sostave Velikoi armii Napoleona” [“The Partecipation of the Swiss in the War of 1812 in Napoleon’s Great Army”]. *Voprosy istorii*, no. 3, 2017, pp. 86–97. (In Russ.)
58. Troitskii, N.A. *Napoleon Velikii: v 2 tomakh* [Napoleon the Great: in 2 vols]. Prep. by M.V. Kovalev, Iu.G. Stepanov. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2020. (In Russ.)
59. Cherepnin, L.V. *Istoricheskie vzgliady klassikov russkoi literatury* [The Historical Views of Russian Classics]. Moscow, Mysl' Publ., 1968. 383 p. (In Russ.)
60. Shapir, M.I. “Semanticheskie motivy iroi-komicheskoj oktavy: (Bairon – Pushkin – Timur Kibirov)” [“Semantic Motifs of the Heroi-Comic Octave: (Byron – Pushkin – Timur Kibirov)”]. *Philologica*, vol. 8, no. 19/20, 2003/2005, pp. 91–168. (In Russ.)
61. Shilova, N.L. “Dostoevskii i problema interpretatsii ‘Egipetskikh nochey’ Pushkina [“Dostoevsky and the Question on the Interpretation of Pushkin’s *Egyptian Nights*”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, no. 6, 2001, pp. 360–367. (In Russ.)
62. Shklovskii, V.B. *Za i protiv. Zametki o Dostoevskom* [Pro et Contra. Notes on Dostoevsky]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1957. 259 p. (In Russ.)
63. Shcherbatov, M.M. *Istoriia rossiiskaia ot drevneishikh vremen: v 7 tomakh* [History of Russia from Ancient Time]. St. Petersburg, Pri Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1770–1791. (In Russ.)
64. *Entsiklopedicheskii leksikon: v 17 tomakh* [Encyclopedic Lexicon: in 17 vols]. St. Petersburg, V tipografii A. Pliushara Publ., 1835–1841. (In Russ.)
65. Balzac, Honore de. *Oeuvres complètes de M. de Balzac*. Paris, Furne, 1842–1848. (In French)
66. Büchner, Georg. *Dantons Tod*. Leipzig; Wien, Bibliographisches Institut, 1890. 83 p. (In German)
67. George Sand. *Jean Ziska, épisode de la guerre des Hussites, par George Sand*. Bruxelles et Leipzig, C. Muquardt, 1843. 167 p. (In French)
68. Hugo, Victor. *Les châtiments (1853)*. Éditeur scientifique Paul Berret. Paris, Librairie Hachette, 1932. 771 p. (In French)
69. Mérimée, Prosper. *Chronique du règne de Charles IX; suivie de La double méprise; et de La Guzla*. Nouvelles éditions revues et corrigées. Paris, Charpentier, 1842. 484 p. (In French)

Статья поступила в редакцию: 05.04.2025

Одобрена после рецензирования: 18.05.2025

Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 05 Apr 2025

Approved after reviewing: 18 May 2025

Date of publication: 25 June 2025